

Т. Б. Радбиль

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Москва)
timur@radbil.ru

ПУШКИН КАК МОДЕРНИСТ: ЭЛЕМЕНТЫ СВОБОДНОГО КОСВЕННОГО ДИСКУРСА В ТРАДИЦИОННОМ НАРРАТИВЕ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

Доклад посвящен исследованию своеобразия повествовательной структуры «Пиковой дамы» в свете «лингвистики нарратива» (Е. В. Падучева) и «поэтики персонализма» (О. Меерсон). Рассматриваются элементы свободного косвенного дискурса как повествовательной формы «модернистского толка» в традиционном третьеличном повествовании в повести Пушкина. Осознанные нарушения норм традиционного классического нарратива в «Пиковой даме» связаны со смещениями и перемещениями субъектной позиции («точки зрения») Повествователя и героя, с «игрой» на чередовании разных типов Повествователя / Рассказчика, со своеобразием интерпретации первичных эгоцентрических элементов повествования (вводных слов, местоимений и местоименных наречий, метатекстовых вставок и пр.) и т. д.

Ниже приведем примеры разных типов указанных «нарративных сдвигов» в повествовании «Пиковой дамы», которые рассматривались нами в наших предыдущих исследованиях на разнообразном материале отечественной и зарубежной литературы.

I. Игра на взаимопереходе всеведущего Повествователя и прагматически мотивированного Повествователя. Как известно, для традиционного третьеличного повествования характерен особый тип всеведущего Повествователя, который не имеет четкой пространственной и временной локализации ни в одном из фрагментов повествования, он находится над изображаемым, свободно проникает в мысли и чувства героев, отовсюду подглядывает за ними, читает их письма через плечо и пр. В целом повествование в «Пиковой даме» полностью отвечает указанным принципам наррации, однако в тексте имеются примечательные отклонения от традиционного нарратива, которые можно интерпретировать как предтечу повествовательных форм будущего – в частности, модернистского «свободного косвенного дискурса» (Е. В. Падучева).

Так, в одном фрагменте мы наблюдаем неожиданное включение в объективный ход повествования так называемого «авторского МЫ», которое обычно маркирует позицию Рассказчика, т. е. факториального повествователя (вдруг позиция вневременного повествователя приобретает пространственную и временную определенность):

*Однажды, – это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой **мы остановились**, – однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пяльцами, нечаянно*

взглянула на улицу, и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее окошку.

Любопытен в этом смысле пример из финала повести, где появляется эгоцентрическое слово *где-то*, которое, согласно Е. В. Падучевой, маркирует ситуацию референциальной неопределенности для говорящего («объект неизвестен говорящему»), что как бы «разбавляет» позицию всеведущего Повествователя точкой зрения ограниченного в знаниях Рассказчика:

Лизавета Ивановна вышла замуж за очень любезного молодого человека; он где-то служит и имеет порядочное состояние: он сын бывшего управителя у старой графини. У Лизаветы Ивановны воспитывается бедная родственница.

Получается, что всеведущий Повествователь в подробностях знает, чьим сыном является муж Лизы, какое у него состояние и даже кто воспитывается у Лизы, но не знает, где он служит (в этом моменте он почему-то уступает место прагматически мотивированному и ограниченному в знаниях Повествователю).

II. Игра на взаимопереходе субъектной сферы Повествователя и героя в пределах одного высказывания. Здесь в наших работах мы предлагаем различать: (а) включение слова героя в речь повествователя; (б) включение точки зрения героя в дейктическую сферу повествователя.

2.1. Включение слова героя в речь повествователя иллюстрирует следующий пример из «Пиковой дамы»:

*Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графинею стоял **незнакомый мужчина**. – Мужчина незнакомый – с позиции графини, но не всеведущего Повествователя, речевая сфера которого реализована в первом высказывании фрагмента.*

Самым типичным случаем подобных нарративных сдвигов является аномальный ввод в повествование несобственно-прямой речи героя:

*Германн сел на окошко подле нее, и все рассказал. Лизавета Ивановна выслушала его с ужасом. **Итак эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, все это было не любовь! Деньги, – вот чего алкала его душа! Не она могла утолить его желания и осчастливить его!***

Выделенный фрагмент принадлежит речевой сфере Лизы, но его ввод в дискурс Повествователя никак не маркирован. Ср., например, «нормальный» ввод в дискурс Повествователя несобственно-прямой речи, с выраженным сигналом ввода (выраженной границей между собственно повествованием и речевой сферой персонажа):

*Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему **(как сказывал он)** жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее, – а между тем, целые ночи просиживал за карточными столами, и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры.*

2.2. Включение точки зрения героя в сферу повествователя, как правило, выражается использованием специфических эгоцентрических показателей, первичных эгоцентриков (Е. В. Падучева), которые в норме маркируют только

говорящего, непосредственно наблюдающего событие (т. е. только персонажа в нарративе), но не отстраненного всеведущего повествователя. Так, модальное слово *казалось* переводит регистр изображения из объективной сферы Повествователя в позицию Лизы (это ей казалось):

Сидя на своем месте за работой, она чувствовала его приближение, – подымала голову, смотрела на него с каждым днем доле и доле. Молодой человек, казалось, был за то ей благодарен: она видела острым взором молодости, как быстрый румянец покрывал его бледные щеки всякой раз, когда взоры их встречались. Через неделю она ему улыбнулась...

III. Игра на взаимопереходе отстраненного Повествователя и непосредственного Наблюдателя. Это явление описано Е. В. Падучевой при анализе начала рассказа С. Беккета «Общение». Нарративные девиации подобного рода связаны с нарочитым неразграничением точек зрения внешнего Повествователя и внутреннего наблюдателя в описании события.

Это можно видеть на примере инициальной фразы произведения. Стандартное третьеличное повествование в норме предваряется пространственной, временной и ситуационной локализацией дальнейшего изложения («в такое-то время в таком-то месте с такими-то случилось то-то и то-то»).

Гениальное начало повести Пушкина: *Однажды **играли** в карты у конногвардейца Нарумова*, где не заданы участники события и представлена видо-временная форма в имперфективной функции (Г. А. Золотова), – имплицитно создает сознание рассказчика как непосредственного участника события в режиме непосредственного наблюдения, у которого, к тому же, имеется общее действительное поле с адресатом (именно ему полагается по умолчанию знать, о ком идет речь, т. е. имитируется акторечевой, не нарративный режим повествования (Е. В. Падучева)).

Проанализированные «нарративные сдвиги» демонстрируют крайне сложную повествовательную организацию этого «самого загадочного произведения Пушкина», в котором уже заложены прообразы грядущего полифонизма Достоевского, полиперсонального повествования Чехова и дальнейших модернистских игр с плавающими точками зрения в нарративных формах отечественной и зарубежной литературы.